



1945 г.

**ВОСПОМИНАНИЯ
НАГАЕВОЙ РОЗЫ ХАБИБУЛЛОВНЫ,
старшего сержанта,
санинструктора 2-го батальона
6-й стрелковой роты 835-го стрелкового
полка 237-й Краснознаменной
Пирятинской орденов Богдана
Хмельницкого(2-й степени)
и Александра Суворова (2-й степени)
стрелковой дивизии
(1942-1945 гг.)**

АВТОБИОГРАФИЯ ФРОНТОВИКА

Я, Нагаева Роза Хабибулловна, родилась 7 марта 1921 года в селе Яндовище Болдовского района Республики Мордовия. Национальность – татарка. В 1938 году вступила во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи. С 7 ноября 1942 года по настоящее время - член ВКП (б) и КПСС.

Мои родители — Нагаевы Хабибулла Ризванович и Ариф Алимовна - были репрессированы 10 января 1929 года (по статье 58.10 Уголовного кодекса РСФСР). Отец Х.Р. Нагаев, 1893 года рождения, был осужден на пять лет лишения свободы. Мать А.А. Нагаева с четырьмя детьми в июне 1929 года сослали в Сибирь. Семья была реабилитирована 19 июля 1989 года.

В товарных вагонах нас привезли на железнодорожную станцию Кузнецк. В городе Сталинске (впоследствии – Новокузнецк Кемеровской области) нам оказали материальную помощь на покупку землянки. Мама устроилась уборщицей на Кузнецкий металлургический комбинат (КМК). В школу мы с братом Савелием (1919 года рождения) пошли в 1933 году. Я окончила семь классов в 1939 году. После окончания школы поступила на восьмимесячные курсы бухгалтеров при заводоуправлении КМК. По их окончании меня направили на Гурьевский металлургический завод, где я проработала счетоводом в огнеупорном цехе с 10 мая 1940 года по 23 июня 1941 года.

21 июня 1941 года в очередной отпуск я приехала домой в Сталинск. 22 июня мама послала меня в магазин за хлебом. Возвращаясь, я увидела: у телеграфного столба с репродуктором собрался народ. По громкоговорителю выступал председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов. Я прислушалась. Он говорил страшные слова: «Фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на нашу Родину». Война! Молотов призывал народ быть бдительным, сплоченным, любить Родину, защищать ее, не щадя жизни. Молотов объявил: кто находится в очередном отпуске – срочно возвращаться на свое рабочее место.

В заводоуправлении КМК встретила заместителя начальника Гурьевского металлургического завода, приехавшего за оборудованием. На другой день, 23 июня 1941 года, получила на заводе расчет и вернулась в Сталинск. 31 июля 1941 года устроилась на работу в цех вырубки КМК маркировщицей.

Мы, комсомольцы, рвались на фронт, однако работников КМК на фронт не брали – на них была бронь. Мы нужны были в тылу. Я устроилась без отрыва от производства на восьмимесячные курсы медсестер. Из цеха вырубки 31 октября 1941 года перешла работать по специальности (помощник бухгалтера) во 2-й мартеновский цех КМК. Активно включилась в комсомольскую работу, была агитатором (проводила читки газет, сводок Совинформбюро в жилых бараках Нижней Колонии).

В декабре 1941 года в Сталинске начала формироваться 237-я Сибирская стрелковая дивизия. Штаб дивизии находился в 8-й средней школе. Мы с машинисткой мартеновского цеха № 2 КМК Марией Перепелицыной, окончив курсы медсестер, как комсомолки решили пойти добровольцами на фронт. В Орджоникидзевском райкоме комсомола наше решение одобрили. 14 апреля 1942 года в райвоенкомате нам выдали повестки о зачислении в 237-ю стрелковую дивизию. Я была зачислена санитаркой в 835-й полк 237-й дивизии. С 20 октября 1942 года и до конца войны я была в должности санинструктора 2-го батальона 6-й стрелковой роты 835-го полка 237-й стрелковой дивизии. В 1943 году исполняла обязанности командира санвзвода 3-го батальона 6-й стрелковой роты 835-го полка 237-й стрелковой дивизии.

НАЧАЛО УЧАСТИЯ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В конце апреля – начале мая 1942 года по приказу Главного командования 835-й, 838-й, 841-й стрелковые полки, 691-й артиллерийский полк, другие подразделения 237-й дивизии поочередно эшелонами отправлялись на фронт под Ленинград. 237-я стрелковая дивизия была в резерве Главного командования.

835-й полк дислоцировался в лесах под Вологодой. Боевой состав занимался в полевых условиях боевой подготовкой.

В июне 1942 года немецкие части вели наступление на Центральном фронте. Командование приняло решение перебросить 237-ю Сибирскую дивизию под Воронеж. В ночь на 19 июля 1942 года мы погрузились в эшелоны. Высадились на станции Липецк. Батальоны, пехотные части нашего головного 835-го стрелкового полка под командованием подполковника Короткова ночью отправились маршем на назначенный боевой рубеж в район сел Озерки-Ломово-Каменка Воронежской области.

Задолго до рассвета части прибыли на место дислокации – большое ржаное поле, на котором колосилась высокая рожь. Командир 6-й роты капитан (фамилии не помню) вместе с командирами взводов провел расстановку бойцов, на стыках подразделений были установлены пулеметы, противотанковые ружья. На случай встречи с танками распределили гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Командир роты приказал окапываться как можно глубже. Политруки провели с бойцами беседы. (На передовой, кроме военного звания, мы часто не знали фамилий политруков, командиров рот, взводов: в боевой обстановке эти люди погибали или выбывали по тяжелому ранению прежде, чем мы узнавали их имена).

Боевое крещение наши полки получили под Озерками Воронежской области. Ценой больших потерь (погибло до 60-65 процентов личного состава) мы остановили врага в районе Воронежа – Липецка.

БОЕВОЙ ПУТЬ

За три года войны (с июля 1942 до весны 1945 гг.) я воевала в 237-й стрелковой дивизии: в 1942 году - на Воронежском фронте в составе 38-й армии; в 1943 году – в составе 1-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта; с конца 1943 по весну 1944 года – в составе 18-й армии; в 1944 году – в составе 38-й армии 4-го Украинского фронта.

Села Озерки – Ломово – Каменка Воронежской области (лето 1942 года).

Село Нижняя Верейка в нижнем течении Дона (21 сентября 1942 года – октябрь 1942 года).

Село Бельское Курской области (госпиталь, зима 1942 года).

Станция Анна Курской области (1943 год).

Сумская, Полтавская области (Украина).

Освобождение города и железнодорожной станции Пирятин Сумской области (18 – 19 сентября 1943 года). Форсирование Днепра в районе сел Гребени, Стайки, Юшки Кагарлыкского района Киевской области (сентябрь-октябрь 1943 года).

Дивизия участвовала в военных операциях, способствовавших освобождению города Киева (ноябрь 1943 года).

Карпаты: город Станислав (Ивано-Франковск), село Незвески (весна – осень 1944 года), город Мукачево (конец октября 1944 года), город Чоп (29 октября 1944 года). Польша, Чехословакия, Венгрия (1944 – 1945 годы).

ОСВОБОЖДАЛИ

Город Пирятин Сумской области и железнодорожную станцию Пирятин. 18 – 19 сентября 1943 года. 1-й Украинский фронт, 1-я Гвардейская армия, 237-я стрелковая дивизия, 835-й полк.

Села Гребени, Стайки, Юшки Кагарлыкского района Киевской области. Осень 1943 года.

Освобождение городов: Западная Украина - город Станислав (ныне Ивано-Франковск). Весна-осень 1944 года: город Мукачево, конец октября 1944 года,- город Чоп - 29 октября 1944 года.

Польша, Венгрия, Чехословакия. 1944 – 1945 годы.

ВОЕННЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНЧИЛА (237-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ)

Чехословакия, Пардубица под Прагой. Май 1945 года. Воинское звание – старший сержант, санинструктор.

РАНЕНИЯ

20 сентября 1942 года. Сквозное осколочное ранение правого бедра (средней тяжести). Место лечения – эвакогоспиталь № 2647 города Тамбова.

18 сентября 1943 года. Слепое осколочное ранение грудной клетки (ранение нетяжелое, связано с пребыванием на фронте).

Осень 1944 года. Перелом левой ключицы и обширная контузия головного мозга.

ВОЗВРАЩАЛАСЬ С ВОЙНЫ

Через территорию Германии: из города Лётцена в Россию до города Кенигсберга.

В конце июня 1945 года эшелон с 237-й дивизией прибыл на Северный Кавказ, в Абхазию (села Ахалцихе, Ахалкалаки в 23-х километрах от турецкой границы). 237-я дивизия влилась в 10-ю Гвардейскую дивизию, дислоцировавшуюся на турецкой границе. Часть полков дислоцировалась в Ленинанкане (3 километра от турецкой границы). Штаб дивизии находился в городе Очамчире.

9 сентября 1945 года был объявлен приказ Главнокомандующего по войскам о расформировании отдельных воинских частей. В их число входила 237-я Краснознаменная Пирятинская стрелковая дивизия. Перед началом расформирования в 835-й полк прибыл новый командир – подполковник Б. Хабибуллаев.

С двадцатых чисел 1945 года до мая 1946 года я находилась в городе Сталинске Кемеровской области. В 1946 году по вызову мужа, Колпакова Дмитрия Ивановича, выехала на Северный Кавказ, в город Сухуми. В конце 1947 года муж демобилизовался. Мы вернулись в город Сталинск.

В 1948 году Новокузнецким горкомом КПСС Кемеровской области я была направлена на работу в трудовые резервы. Работала в школе фабрично-заводского ученичества № 43 библиотечкарем; в школе фабрично-заводского ученичества № 139 в должности воспитателя.

В 1949 году направлена на работу в трест «Томусашахтострой» (Кемеровская область) на должность финансиста - кассира-инкассатора.

18 марта 1962 года направлена на комсомольскую стройку в Горную Шорию (Кемеровская область): в шахтостройуправление «Казшахторудстрой» на должность старшего инспектора отдела кадров.

Февраль 1967 года. По приглашению Министерства сельского строительства Киргизской ССР в составе группы инженерно-технических работников и рабочих разных национальностей была направлена в Караванскую передвижную механизированную колонну (ПМК) треста «Ошоблсельстрой» старшим инспектором отдела кадров.

В августе 1972 года Министерством сельского строительства Киргизской ССР переведена в Кировскую ПМК треста «Киргизсельстрой» № 1 старшим инспектором отдела кадров.

25 апреля 1976 года ушла на заслуженный отдых.

НАГРАДЫ

Медаль «За отвагу» № 139339. Вручена командиром 835-го стрелкового полка 237-й

стрелковой дивизии подполковником Игнатом Ивановичем Подопригорой в октябре 1942 года.

Медаль «За боевые заслуги» № 922092.

Орден Красной Звезды № 328129. Орден вручен в феврале 1944 года.

2-я медаль «За отвагу» № 2470727.

Медаль «За победу над фашистской Германией». Награждена в штабе 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии.

Орден Отечественной войны I степени № 2231165. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

Медаль «За освобождение Украины и Киева».

Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

Медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

Медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР».

Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

Знак «Отличник санитарной службы Великой Отечественной войны».

Письменная благодарность Главнокомандующего войсками в Великой Отечественной войне И.В. Сталина за освобождение города Ивано-Франковска (Западная Украина).

В ВОЙНЕ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ РОДСТВЕННИКИ

Муж, Колпаков Дмитрий Иванович, 1920 года рождения. Старший лейтенант, командир минометной роты 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии.

СОБСТВЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ВЕТЕРАНА

Женские дороги войны. (К 55-летию Великой Победы).

Р.Х. Нагаева. Породнились навсегда. Из книги «Згадаймо ти роки». Составители:

Г.И. Герасимов, М.В. Мельниченко. Пирятин, 1998.

Р.Х. Нагаева, ветеран войны, г. Новокузнецк. Хотим создать книгу. Газета «Земляки» (г. Кемерово) от 13 – 18 сентября 2001.

«Умирала и воскресала на Курской земле». Воспоминания Р.Х. Нагаевой. Газета ветеранов войны и труда Кемеровской области «Земляки». № 31 от 4 июля 2003 года.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЕТЕРАНА

Воспоминания о боевых эпизодах Великой Отечественной войны. (Сражения под Воронежем – села Озерки – Ломово – Каменка); на Дону – село Нижняя Верейка; форсирование Днепра; сражения в Карпатах.

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ О ВЕТЕРАНЕ

З.П. Верховцева. Солдаты Сибири. (1941 – 1945). Издание 2-е, переработанное и дополненное. Кемеровское книжное издательство, 1985. 381 с.

М.В. Катуков, А.Л. Гетман, К.В. Крайнюков, Б.С. Венков. Шли полки Карпатами. Воспоминания участников освободительных боев. Ужгород, 1985. 312 с.

Днепр – река героев. 2-е дополненное издание. Составители: Н.И. Ауцев, П.Я. Добровольский, В.А. Замдинский, В.И. Ковалев, доктор исторических наук В.Н. Немятый. Политиздат. Киев, 1988. 387 с.

А.Б. Берлин. Новокузнецк в солдатской шинели. (К 50-летию Великой Победы). Издательство «Кузнецкая крепость». Новокузнецк, 1995. 297 с.

Григорий Кац. Далекое-близкое. Воспоминания военного журналиста. Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999. 175 с.

Фронтные дороги. Газета «Ильинское время», г. Новокузнецк Кемеровской области, от 21 июня 2002 года.

В. Коровина. Храбрая Роза и ее товарищи. Газета «Кузнецкий рабочий» от 5 мая 2005 года, г. Новокузнецк Кемеровской области.

Т. Петрова. Роза Нагаева, санинструктор стрелковой роты. Газета «Кузнецкий рабочий», г. Новокузнецк Кемеровской области, № 26 от 6 марта 2008 года.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

«Война для санинструктора – это всегда передний край. Боевые порядки, поле боя – его рабочее место. Тяжелый, изнурительный и очень опасный труд», – писал в своей книге воспоминаний военного журналиста «Далекое-близкое» редактор дивизионной газеты «Сталинский удар» гвардии подполковник в отставке, член Союза журналистов СССР – России Григорий Кац. В его книге есть очерки и о нашей славной дивизии. Очерк «Роза из 6-й роты»

Г. Кац посвятил мне. Война – это коллективный труд. Только рядом с боевыми товарищами, все вместе, единым ударом мы выстояли и победили. Наша дивизия все три долгих года войны, не отступая ни на шаг, не сдавая ни пяди нашей земли, шла вперед, на Запад. И мы дошли – до Победы.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Летом 1942 года дивизия должна была переправиться через Дон севернее Воронежа – южнее Ельца и в составе войск 5-й танковой армии Воронежского фронта, который был открыт 7 июля 1942 года, преградить путь врагу. Предстояло выбить врага из деревень Ломово, Озерки и Каменка.

Прибыв на станцию Липецк, мы походным маршем пошли к селу Озерки. Стояла ужасная жара. Шли молча, каждый думал и вспоминал о своем, сокровенном. С рассветом мы должны были встретиться со злейшим врагом. Вдруг колонна остановилась: в нос ударил смрадный запах. Разбитая сорокапятка, вздутые туши лошадей, тела погибших красноармейцев – безымянных героев, которые в бою на этом последнем рубеже стояли насмерть... Командир роты приказал похоронить солдат. Мы прикрывали тела плащ-палатками и опускали в яму. Документы отдавали политруку.

И вот – левая окраина села Озерки, где нам предстояло закрепиться. Большое поле с колосистой высокой рожью. До рассвета далеко. Приказ: окапываться. Командир распределил по позиции пулеметы, противотанковые ружья. Автоматы взяли у погибших. Земля сухая, твердая – саперной лопаткой не взять...

Окопались на пригорке. Окопы замаскировали, прикрыли стеблями ржи. Солдаты потихоньку переговаривались. Еще на марше они просили меня: «Сестрица, если убьют, засыпь землей, чтобы вороны глаза не выклевали. Ранят – сообщи семье». Отдавали наспех написанные письма-треугольники. (После боев я их отправляла в штаб полка). Санинструктор для рядового на передовой – как мать, самый близкий, душевный человек...

Забрезжил рассвет. Раздался нарастающий гул. Это летела целая эскадрилья фашистских бомбардировщиков группами по шесть – двенадцать самолетов. Кружили «мессеры», обстреливая нас из пулеметов. За первым заходом – второй, третий, четвертый... Не успели уйти самолеты – началась артиллерийская канонада. Четыре часа подряд земля, содрогаясь, разрывалась в клочья. Раскалился воздух. На нас поползли немецкие танки, следом пошли в атаку немецкие автоматчики. Шли, как в кино: картинно, во весь рост, с засученными рукавами. «Пусть подойдут поближе», – передали по цепочке. Мы открыли огонь из всех видов оружия. Строчили пулеметы. Фашисты не ожидали отпора и повернули обратно.

В этом бою погибло много сибиряков. Именно тогда, в первом бою и на всю войну, я поняла: военная медсестра не имеет права оставить на поле боя без помощи ни одного, даже самого безнадежного раненого. Это ее воинский долг! Когда постоянно видишь смерть и кровь и на твоих руках умирает молодой паренек, с которым ты ела из одного котелка, – что греха таить, холодеешь порой от собственного бессилия... Помню, как в бою под селом Озерки тяжело ранило политрука 6-й роты (потом он был нашим командиром) Федора Аристарховича Русских. Всю ночь я на санитарной повозке вывозила в санроту раненых. Федор Аристархович сказал, чтобы я отправила его последней повозкой. Тяжело было политруку расставаться с товарищами, он переживал за оставшуюся на передовой горстку людей, знал, что с рассветом гитлеровцы попытаются прорвать оборону. Так и случилось. Мы получили приказ отступить на километр к деревне Каменка. Это был первый и последний раз, когда наши части отступили. Больше до самого конца войны не отступали ни разу.

Наши пехотные части поддерживала артиллерия 691-го полка 237-й дивизии под командованием лейтенанта Б.А. Бондаренко. Впоследствии Бондаренко было присвоено зва-

ние генерал-майора артиллерии. Он жил в Москве. Бондаренко был одним из инициаторов написания истории нашей дивизии.

...Три месяца наши части стояли в обороне под Воронежем. Бомбили нас по пять-шесть раз в день. В полк поступило пополнение. Это были плохо обученные молодые ребята из Средней Азии - узбеки, таджики. Они почти не говорили по-русски. Я была у них переводчиком. «Ложись! Воздух!» – кричала необстрелянным новобранцам.

Каждый день приходилось отбивать по три – четыре атаки автоматчиков, которых поддерживали танки. Но наши части, укомплектованные бесстрашными сибиряками, стояли насмерть. 23 - 25 июля запомнились как самые тяжелые дни. Дивизия сдерживала натиск фашистов. У деревни Ломово враг был остановлен. Итог этого боевого крещения – 42 подбитых немецких танка, 12 автомашин, около двух тысяч уничтоженных солдат и офицеров. Первые бои и первая победа достались большой ценой: из строя выбыла почти половина личного состава нашей дивизии.

К осени атаки фашистов почти прекратились. Бомбовозы с «мессершмидтами» пролетали мимо передовой: немцы вели наступление в районе Сталинграда, туда были переброшены все силы фашистов. Под Сталинградом шли жестокие бои. Днем и ночью мы видели яркие вспышки, пожарища, слышали грохот от разрывов снарядов и бомб. А на наших позициях происходили местные стычки с врагом. Передний край ежедневно облетала «рама» – воздушный разведчик-корректировщик. Солдаты обстреливали его изо всех видов оружия. Однажды самолет подстрелили. Он сел на пригорке. Пехотинцы с криком «Ура!» бросились к самолету, вытащили из кабины летчика и стрелка, отобрали оружие, планшеты, аппаратуру и повели пленных в штаб полка. Сообщили в штаб дивизии. У немцев оказались важные для наших частей документы.

...Сибирские полки, стоявшие на передовых позициях в оборонительных боях в районе сел Озерки, Ломово, Каменка, сдержали натиск фашистов. Наступление фашистов на Липецк было остановлено.

В СТЕПЯХ ПРИДОНЬЯ

В середине 1942 года враг продолжал наступление в большой излучине Дона. Шли жестокие бои под Сталинградом. 237-я дивизия получила приказ: занять рубежи в донских степях, в районе села Нижняя Верейка. Вместе с другими соединениями, входившими в ударную группу, мы должны были в этом месте прорвать оборону противника и отвлечь ударные части врага от Сталинграда. 2-й и 3-й пехотные батальоны нашего полка ночью 19 сентября походным маршем направились в район Нижней Верейки. Шли с полной выкладкой, несли противотанковые ружья, пулеметы, боеприпасы. Достигли места назначения и с ходу пошли в наступление. Особенно тяжелыми были бои в районе Ольховатки – селения, которое меньше чем через год стало ареной кровопролитного сражения во время Курско-Орловской битвы. Под Ольховаткой погибло много моих боевых товарищей.

...В донских степях – ни кустика, ни бугорка, только воронки от бомб. Не спрятаться, не укрыться. Иссушающая 30-градусная жара. Бомбежки, обстрелы. Раненым я говорила: «Не двигайтесь, лежите до вечера, притворяйтесь мертвыми!». Солдаты звали: «Сестра, помоги!» Я перебежала от одного бойца к другому, перевязывала. Кругом барражировали самолеты. Огонь не прекращался. Раздался крик. Узбека-новобранца ранило в ногу. Я поползла к нему. Поблизости разорвался снаряд. Осколками ранило двух солдат. А узбеку перевязка была уже не нужна, его убило осколком. Перевязала раненых, слышу: «Сестричка...» Хочу ползти, а правая нога не двигается с места. Кровь ручьем хлещет поверх обмотки. Сама себе наложила жгут, остановила кровотечение. Размотала обмотку, разрешила штанину – сквозная осколочная рана нижней части правого бедра. Наложила повязку. Нога отяжелела, я не могла двигаться. Легкораненые ко мне подходили сами, я их перевязывала. День клонился к закату. Я дала легкораненым задание: отыскать санитарные повозки. Когда стемнело, на три добытые повозки погрузили тяжелораненых, меня в том числе. Повезли к понтонной переправе через Дон. Днем в этом районе шел воздушный бой, фашисты сбили наш самолет, вода у кромки реки была красная от крови... Переправились на правую сторону Дона.

Я попросила ездových, чтобы собрали с поля боя всех раненых и привезли сюда. К роще была подведена железная дорога. Женщины-санитары клали раненых на носилки, грузили в «красные»

вагоны. Паровозик-«кукушка» всю ночь вывозил раненых в эвакогоспиталь Тамбова. Театры, школы и другие здания города были завалены ранеными...

Нас привезли в эвакогоспиталь – бывший кинозал. Это была сортировочная. На полу рядами лежали люди, раненные в голову, в ноги. Каждого спрашивали, откуда он. Я ответила: «Из Сталинска». «Мы формируем поезд в Сибирь, поезжайте». Я ответила: «Кость у меня цела. Я вернусь в свою часть. Здесь я нужнее».

В госпитале города Тамбова я лечилась месяц. Врач-хирург Александр Иванович поставил меня работать писарем – почерк у меня был хороший, разборчивый. Во время операций я заполняла истории болезней. Больше месяца я работала в госпитале. Отдавала кровь раненым. Доктор просил меня остаться в госпитале. Но я не согласилась: «На передовой я нужнее!» Пока лечилась, списалась с девчатами нашего полка. Они сообщили: «Тебя ждет боевая награда!»

В конце октября 1942 года я прибыла в свой полк. Командир полка Игнат Иванович Подопригора вручил мне первую боевую награду – медаль «За отвагу»: за спасение жизней солдат и офицеров. Старшине санроты командир полка приказал сшить для меня хромовые сапоги. (Я долго в них щеголяла. Когда воевали на Украине, селяне называли меня «парубок маленький». «Это не парубок, а дивчина», – отвечали им). Начальнику санитарной службы 835-го полка капитану Александру Ивановичу Мартынову был дан особый приказ: беречь сибирячек, которых после первых боев в живых осталось мало.

НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Морозной, снежной зимой 1942 – 1943 годов наши части переломили ход сражения под Сталинградом. Войска Сталинградского и Воронежского фронтов, соединившись, потянули немцев на запад. Мы, советские солдаты, были одеты в полушубки и валенки, а мимо нас с нашей земли – строем по четыре в ряд, по бокам охрана: верховые и солдаты-автоматчики с овчарками – гнали немцев. Они шли в летних сапогах, закутавшись в одеяла и тряпье, обмороженные, полуголодные, больные сыпным тифом...

Многие из наших солдат заразились этой болезнью. Меня с передовой отозвали в санроту – там не хватало рук оказывать помощь заболевшим. Медсестры выскакивали зимой на улицу, снимали с себя халаты, усеянные крупными вшами, вытряхивали паразитов на снег. Чтобы зараза не распространялась, командование приняло меры: установило прожарочные котлы для дезинфекции одежды, устроило для солдат бани, а заболевшие отправлялись в специальные госпитали.

Первой в нашем санитарном батальоне заболела моя подруга Клава Малых. Обрабатывая раны у тифозного больного, заразилась и я. Меня отправили в госпиталь, который раскинулся в большом яблоневом саду в селе Бельское Курской области. От села осталось одно название. Здесь прошли жестокие бои, люди жили в блиндажах, сараях, землянках. В отгороженном простынями женском госпитальном отделении я три недели провела без сознания. Бредила, кричала, ругалась, как на передовой. Однажды затихла. Врачи установили клиническую смерть. Без признаков жизни меня отнесли к глубокой яме, в которой хоронили умерших от тифа. Тогда же умерла от тифа женщина-врач. Ее носилки поставили рядом с моими. Ухаживавшая за мной санитарка подсела к носилкам попрощаться. Взяла меня за руку - и вдруг почувствовала слабый, ускользающий пульс. Доложила дежурному по госпиталю. Меня принесли обратно в палату. Выздоровливавшие подняли шум: «Сестру с передовой котели живьем закопать!» Приехала врачебная комиссия из штаба фронта...

Мне поставили еще один диагноз: дистрофия. Выписали лекарства, дополнительное усиленное питание. Была я настолько слаба, что не могла поднять голову. Посадят меня на пенек под яблоней, привяжут к стволу полотенцем, и я греюсь и дремлю на солнышке, набираясь сил... Такой сильной была жажда жизни, что потихоньку я стала делать шаг, другой – в 21 год заново училась ходить.

Из госпиталя меня выписали через месяц. 835-й стрелковый полк восьмой месяц стоял в обороне южнее Курско-Орловской дуги, оттягивая на себя силы противника. Штаб дивизии располагался на станции Анна Курской области. Мне подсказали, что в ДОП – довольствия спорном пункте - встречу своих. В пять часов утра я уже сидела у пункта на скамеечке. Медсанбатовская машина отвезла меня в санроту нашего полка. Дежурный фельдшер Зинаида Александровна Горшкова (Ермизина) меня не узнала. «Роза, ты ли это?..» Я была худая,

стриженная наголо, меня буквально качало ветром. Начальник санитарной службы капитан Александр Иванович Мартынов (в 1944 году он погиб в Карпатах, вечная ему память), увидев меня, ужаснулся. «Ты, дорогая наша сестричка Роза, нам очень нужна на передовой. Мы тебя поставим на твои твердые ноги». Командиру санроты Вацлаву О. Галацану и старшине Евдокии Горбуновой Мартынов приказал: «Пока стоим в обороне, должны Розу Нагаеву вылечить. Выпишите ей продукты – мясо, муку, консервы, рыбий жир в неограниченном количестве». Рыбий жир я пила кружками, ела по пять–шесть раз в день. И постепенно стала поправляться. Волосы выросли черные и курчавые.

А на дворе стояла весна переломного в ходе войны 1943-го года. Цвели яблони, вишни, пели курские соловьи. Все благоухало. И так хотелось жить!.. На Курской земле меня чуть не похоронили живо, и эта же земля меня вернула к жизни.

...Оборонительные бои заканчивались. Слева, под Прохоровкой, гремело танковое сражение. Наши полки шесть месяцев держали оборону. Полковые подразделения готовились к наступлению. Меня вызвал командир санроты В. Галацан и приказал: «Из штаба полка сообщили: в 3-м батальоне убило младшего лейтенанта – командира санвзвода А. Петрова. Немедленно собирайтесь! Замените его. Отправляйтесь сейчас же. Батальоны выдвигаются вперед!»

Так я снова оказалась на передовой. Начиналось историческое наступление на Курской дуге.

СЛУЧАЙ СО СТАРШИНОЙ

Старшина в стрелковых ротах – отец солдатам, кормилец-поилец бойцов и первый помощник командира. Он в боевой обстановке обеспечивает роту боеприпасами, обмундированием и всем необходимым. Старшина всегда на передовой.

Именно таким запомнился мне Кузмичев Александр Иванович – старшина минометной роты (120-миллиметровых орудий) 835-го полка 237-й стрелковой дивизии. Кузмичев трижды был ранен. Я его перевязывала и оказывала первую помощь.

Стояла осень 1943 года. Моросил мелкий дождь. Был промозглый холод. Вечерело. Слышно, как впереди, километрах в двух от нас, урчали немецкие танки. Я забежала в помещение санроты пополнить санитарную сумку перевязочным материалом и снова бросилась в роту. По дороге увидела: впереди что-то чернеется. Подошла, тронула – да это человек! Лежит, завернулся в плащ-палатку, свернулся в комок, дрожит под дождем в грязи от холода. Это и был старшина Кузмичев, раненный в пах. Я хотела его перевязать – он не давался. Я ему говорю: «Ты раненый и обязан мне подчиняться». Располосила штанину и вижу: небольшой осколок впился в причинное место, торчит и сочится кровью. Вытащила я осколок, намазала рану йодом, перевязала. Кое-как поставила старшину на ноги. Идти он от боли не мог. Я побежала за повозкой. Нашла ее, и мы увезли Кузмичева в санитарную землянку.

Пока я Александра перевязывала, он меня все спрашивал: «Будут ли у меня дети? Скажи правду!» Я успокаивала: «У тебя, Саша, все цело. Осколок я вытащила, возьми на память».

...И вот окончилась война. Саша Кузмичев остался живой. Нашу дивизию расформировали. Офицерский состав и солдаты, не подлежащие расформированию, влились в 10-ю Гвардейскую дивизию, дислоцировавшуюся на турецко-абхазской границе.

Весной 1946 года мой муж Дмитрий Иванович Колпаков прислал мне вызов. Я приехала из Сибири в Сухуми вместе с боевой подругой Ниной Марковой. Нас встретили Д.И. Колпаков и А.И. Кузмичев. «Как здоровье?» – спросила я у Саши. «Отлично! Спасибо тебе, Роза, за все».

Из города Подольска Московской области приехала Сашина жена Валя. И вскоре у супругов Кузмичевых родилось двое сыновей.

Всю жизнь я вспоминаю Сашу Кузмичева и испытываю большое счастье, потому что спасла своего однопольчанина.

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

Осенью 1943 года передовые подразделения 237-й дивизии скрытно от фашистов готовились к форсированию Днепра. Наша санрота стояла на левом берегу в районе села Гапо-

новка. Под кустами прятались пушки, самоходки, танки, минометы, «катюши». Все кишело людьми. Пехота, артиллеристы, танкисты... Поодаль, километрах в 1,5 – 2 от берега, располагались небольшие деревеньки. Хаты с соломенными крышами утопали в садах. Глубокой ночью наша дивизия должна была совершить марш-бросок – занять плацдарм на правом берегу Днепра, выбить врага из укреплений.

Правый берег Днепра – крутой и высокий, он весь порос тальником. Темными ночами с левого берега реки на правый берег саперы перевозили в лодках тяжелые канаты с прикрепленными к ним понтонами.

В начале октября в районе сел Гребени и Стайки был совершен первый бросок бойцов на правый берег Днепра. Первыми переправились командир батальона, связист, разведчик-автоматчик, пулеметчик с боеприпасами и санитарка Мария Щербаченко. Приняв на себя вражеский удар, они заняли плацдарм – кусочек родной земли, отвоевывая его собственной кровью. На другой день по радиации смельчаки потребовали: «Огонь на меня!» Артиллерия и авиация до прибытия подкрепления поддерживали ударный отряд. Враг непрерывно обстреливал переправу, бомбил, освещал ракетами. Было светло, как днем.

На вторую ночь две группы бойцов (в них вошли командиры батальона и роты, связист, несколько разведчиков, автоматчики и саниструкторы — фельдшер-ленинградец Борис Романов и я) поплыли на понтонах на правый берег. Загрузили в лодки ящики с боеприпасами – гранатами, патронами, сигнальными ракетами. Нашей задачей было выбить фашистов и до утра расширить плацдарм. Такой же марш-бросок южнее нас организовал 838-й стрелковый полк, севернее — 841-й полк.

Только отплыли от берега – начался обстрел. Река освещалась ракетами. До правого берега оставалось всего ничего, как в понтон угодил снаряд. Образовалась пробоина. «Прыгать в воду!» – закричал командир. Я плавала плохо. Да еще шинель, санитарная сумка. Все сразу намокло. Я захлебывалась. Борис подплыл ко мне – я вынырнула, видно, в последний раз, еще немного – и камнем пошла бы на дно. Романов схватил меня за ворот шинели и поплыл к берегу. Я нахлебалась воды, меня колотило, зубы стучали... Солдаты накиннули мне на плечи сухую шинель, Борис из фляжки влил в рот несколько капель спирта. Я согрелась и ожила. Надо было собирать раненых.

Мы с Борисом таскали на носилках тяжелораненых к реке, грузили на понтон... Борис поехал сопровождать раненых на левый берег, а я проверяла каждый куст – не остался ли где раненый солдат. Уже глубокой ночью мы с Борисом пришли в траншеи. Ребята, натянув поверху плащ-палатки, развели костер, сушили одежду и портянки. Уступили место и нам.

На следующий день мы спускали раненых с крутого днепровского берега на плащ-палатке. Каждый день передовые части расширяли отвоеванный кусочек земли на правом берегу...

Через какое-то время дивизию перебросили на форсирование Днепра на другом участке – у села Щученки. В этом районе фашисты сконцентрировали артиллерию, танки, авиацию. Но наша пехота при поддержке танков, авиации и «катюш» прорвала вражескую оборону и продвинулась вперед.

237-я дивизия, форсируя Днепр, совершила три броска-прорыва на правый берег реки. Это был настоящий подвиг. За операцию по форсированию Днепра 25-ти бойцам дивизии присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них есть новокузнецанин – Максим Грабовенко. А моя плащ-палатка, которая помогала мне спасать раненых бойцов, хранится в музее Боевой славы на днепровском Букринском плацдарме.

КАРПАТЫ

В 1944 году части нашей дивизии в составе 1-й Гвардейской армии освобождали города и села Западной Украины.

В Прикарпатье дивизия освободила город Станислав (ныне – Ивано-Франковск). Весной, летом и осенью в составе 4-го Украинского фронта вела ожесточенные освободительные бои в Карпатах. Условия были тяжелейшие: горы, непроходимые леса, весенне-осенняя заспутица... Раненых с гор спускали на волокушах. Внизу бригада санитаров грузила раненых в повозки, на машины и отправляла в эвакогоспиталь.

Я работала в полковом медпункте. Раненых было очень много. Помню, как мы с доктором переливали кровь командиру батальона (забыла его фамилию) с переломом обеих ног...

Начальник санитарной службы дал мне задание: «Пойдешь командиром взвода в первый эшелон». Получила я маленькую палатку, четырех вьючных лошадей, пятерых санитаров в распоряжение и отправилась на передний край. Нужно было вынести с поля боя тяжело-раненых солдат и доставить их в полковой медпункт. В горных условиях тяжело вести бой, а раненого вынести не легче. Высота 2000 – 2300 метров над уровнем моря. Горы поросли кустарником, где его нет – сплошным потоком течет сверху вниз грязь. Шли постоянные дожди, а костры жечь было нельзя.

На другой день фашисты произвели артолет. Снаряд прямым попаданием разрушил санитарную палатку. Убило трех лошадей, тяжело ранило санитаря, убило трех бойцов, подготовленных к отправке. Большой осколок влетел в мою санитарную сумку и застрял в перевязочном пакете. А раненые все поступали. Но правду говорят, что безвыходных положений не бывает. Поменяла я место расположения медпункта, поставила опознавательные знаки. Тяжелораненым оказывала первую помощь и с легкоранеными отправляла их в полковой медпункт.

ВАНЯ

Во время боев на Карпатских кручах мы заняли высоту – гору Плаша (высота 2010 метров над уровнем моря). Мелколесье, без конца моросит дождь, стелется туман. Внизу – немцы. Снайперы наших бойцов стерегут. Идет артобстрел за артобстрелом. «Рама»-корректировщик, как ястреб, высматривает позиции... Много ребят тогда полегло. Ползешь к раненому под шквальным огнем и думаешь: «Вдруг его можно еще спасти?»

Перевязала я несколько человек после артобстрела и пошла проверять лесные участки. Ребята из взвода Пономарева говорят: «Сестрица, там разорвался снаряд, командира взвода убило. Не ходи туда». Нет, думаю, надо проверить. Вижу: на опушке, скрючившись, без сознания лежит лейтенант. Фамилию не помню, а звали его Ваня. Над моей головой пули свистят, мины «жвакают», снаряды рвутся. Думаю: «Не мои вы, голубчики». Ту пулю, которая его убьет, солдат не слышит.



Перевернула раненого на спину. Из раны кровь сочится: осколком разрезан живот. Но пульс прощупывается. У меня в санитарной сумке «поликлиника» небольшая - бинты, индивидуальные пакеты, салфетки, жгуты да клеенка, ножницы и финский нож за голенищем сапога. Достала бинты, стерильные салфетки наложила на рану, сверху плотно накрыла клеенкой, туго перебинтовала полость живота... А у самой по лицу пот ручьями катится. Раненый пришел в сознание. Спрашивает: «Сестрица, я буду жить?» – «Миленький, обязательно будешь живой, рана нетяжелая». А сама не верю, думаю: «Едва ли жив останешься». Но говорю самое успокоительное: «Вот я тебя сейчас на плащ-палатке перетащу на волокушу, ты только за края плащ-палатки держись, чтоб не вывалиться. Терпи, когда по кочкам буду тащить. Спустим тебя вниз, положат на повозку, попадешь в санроту, оттуда – в медсанбат. Сделают операцию, и поедешь на лечение в госпиталь. Мы тебе умереть не дадим! А как выздоровеешь - пришли мне фотографию».

К этому времени наши подразделения отбили фрицев, туман рассеялся. Вот и ездовой с волокушей. Мы Ваню на нее положили, обмотали бинтами и отправили вниз.

А в январе 1945 года я на свою полевую почту получаю из госпиталя города Харькова письмо. От Вани! Как я и просила, он прислал свою фотографию: сидит за столом в госпитальном халате, держит в руках книгу. «На добрую память Розе, моей спасительнице, от Ванюши», – написал на обороте фотографии. В письме Ваня благодарил меня за свое спасение и за то, что сказала правду: «Живой останешься».

Очень я рада была, что Ваня остался живой. За войну наберется не одна сотня спасенных мной солдат и офицеров. Всех не перечтешь и не упомнишь. Сколько лет прошло, а мне до сих пор ночами снятся раненые – небритые, с кровавыми бинтами. Но их дух не сломлен, они стремятся к долгожданной Победе.

ТРАГЕДИЯ В ГОРОДЕ ЧОП

Глубокой осенью 1944 года полки нашей дивизии освободили тысячи сел и городов Прикарпатья. После освобождения города Мукачева (стоявшие в нем мадьярские части сдали его почти без боя) нашему 835-му стрелковому полку было присвоено звание Мукачевского.

3-й батальон 835-го полка (без сопротивления противника) занял железнодорожную станцию и вокзал города Чоп – ворота на Запад.

В здании вокзала расположился штаб полка. Немцы начали артобстрел штаба, к зданию со скрежетом пошли немецкие танки. Слева от вокзала над берегом р.Тиссы был развернут 3-й батальон. Бронебойщики отбивали танковые атаки, пехотинцы вели бой с автоматчиками.

Фашистский снаряд прямой наводкой попал в вокзал. Тяжело ранило находившегося в расположенном там штабе командира полка И.И. Подопригору. До медсанбата нашего командира не довезли, он умер по дороге... В штабе при артобстреле погибли командир 3-го батальона майор Михайлов, начальник артиллерии 835-го полка, начальник штаба, еще один офицер и два связиста (их фамилии и звания не помню).

Тяжело была ранена санитарка 3-го батальона Елена Новикова-Клочкова, также находившаяся в штабе. Она единственная выжила после тяжелых ранений (была разорвана печень, повреждено лицо, ее контузило с потерей речи). Лену подобрали учащиеся венгерской школы, спрятали в доме, а ночью привели к ней врача, который в больнице сделал ей срочную операцию. Участие местных жителей спасло Лену. Но, пройдя страшную войну, через несколько лет в мирное время Лена погибла в дорожной аварии...

835-й полк был отведен во второй эшелон, оборону в этом районе занял 838-й стрелковый полк.

Наш полк понес большую утрату. К командиру полка И.И. Подопригоре с большой любовью относился весь рядовой состав. Мы называли его «батей». Долго горевали мы по своим боевым товарищам, с которыми переносили тяготы войны. Погибших с воинскими почестями похоронили в центре города Мукачева.

МОИ БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

Работница Кузнецкого металлургического комбината Мария Перепелицына, новокузнецчанки Нина Маркова, Клава Малых, Таисия Танкова и многие, многие другие... С кем-то из них я прошла всю войну, а кто-то, как две сестры Крюковы, погибли в первом страшном бою у деревни Озерки под Воронежем 23 июля 1942 года. Старшей, Тоне, снарядом оторвало ноги, она скончалась, истекая кровью. Младшую, Любу, убило при бомбежке. Медсестры, санитарки погибали наравне с солдатами. В первом бою ранило М. Перепелицыну, В.М. Путинцеву, Куликову, Пономаренко и других, фамилии и имена которых не сохранила моя память.

А вот Марию Дьяконову – санитарку 7-й роты нашего полка – помню хорошо. В августе 42-го во время оборонительных боев под Воронежем снайпер ранил ее в живот разрывной пулей. Я перевязала Марию. Она знала, что уже не жилец, и твердила: «Не мучайся, Роза, брось, пристрели меня». Я сделала ей укол морфия, успокоила, как могла. Попросила командира роты, чтобы принесли охапки ржаной соломы. Солому постелили в повозку, накрыли плащ-палаткой. С ездovým Полупановым и двумя солдатами Марию полусонную осторожно положили в повозку, я укрыла ее своей плащ-палаткой, закрепила углы бинтами, чтобы раненая на ходу с повозки не упала. Ездovому наказала ехать помедленнее. Из санроты Марию сразу отправили в медсанбат – может, там успеют спасти... Но ее не спасли – ночью 17 сентября 1942 года Мария скончалась.

Санитарка 8-й роты 2-го батальона Мария Орехова, как и я, была из Новокузнецка (Сталинска). Жила на улице Мостовой.

В сентябре 1942 года наши подразделения по приказу командования передислоцировали на Дон. С марша мы пошли в наступление. Бомбежки, обстрелы не прекращались ни на минуту. Меня ранило. Санитарный обоз должны были по понтонному мосту переправить в госпиталь на другой берег Дона. На проселочной дороге повозку, в которой меня везли, встретила Мария. Повозка остановилась, мы с Марией, прощаясь, обнялись и горько запла-

кали. Мария, как и прошлой ночью, когда шли маршем к Дону, твердила: «Тебя ранило, а меня здесь убьет, я это чувствую. Роза, мы с тобой больше не увидимся». Я расцеловала Марию, мы расстались, и я с тяжелым сердцем поехала дальше.

Из госпиталя в часть я вернулась нескоро. Первое, что мне сообщили, было: Мария погибла, спасая раненого. М. Орехову посмертно наградили медалью «За отвагу».

В 1945 году, вернувшись домой, мы с Ниной Петровной Марковой побывали на Мостовой улице у родителей Марии, рассказали о боевом пути их дочери, о том, где и как она погибла.

В 835-м полку воевала Вера Соломина – санинструктор 8-й роты 2-го батальона, секретарь комсомольской организации полка. Старше меня по возрасту, смелая и решительная, она бывала во всех ротах, беседовала с бойцами, вникала во все.

На Дону под деревней Ольховатка Вера Соломина была ранена, попала в госпиталь. После выздоровления ее направили в другую воинскую часть. Я с ней больше не встречалась. А вскоре узнала, что в боях под Харьковом Вера погибла. Именем Веры Соломиной названа улица в Куйбышевском районе города Новокузнецка (Сталинска).

...Девятнадцатилетняя Таня Умеренкова появилась в санитарных частях после освобождения города Обоянь Курской области. Город немцы разрушили, жить людям было нелегко, Танин дом разбомбили. Родных никого у нее не осталось. Таня попросила, чтобы ее зачислили в полк. Взяли ее санитаркой. В Прикарпатье, в самом конце войны, Таня подорвалась на mine. Ей ампутировали ногу. Началась газовая гангрена. Таню оперировали вторично. Татьяна Тимофеевна осталась жива. Она проживает в селе Сергеевка Партизанского района Приморского края.

Всю войну от начала и до конца прошли мои боевые подруги: новокузнецчанки Нина Петровна Маркова (Остапенко), Клавдия Иосифовна Малых (Ушакова), Василиса Ивановна Танкова (Глушаненко).

...Почти 65 лет прошло после войны. А в памяти по сей день, как живые, мои подруги, которые отдали Родине свои жизни. Антонина и Люба Крюковы; красавица санинструктор санроты 835-го полка Надя Катырева и санитарка Нина Милославская, которые погибли под селом Незвески в Прикарпатье. Дьяконова Мария, Орехова Мария... Вечная вам память и вечная слава, мои дорогие боевые подруги!

СВОЮ СУДЬБУ Я ВСТРЕТИЛА НА ФРОНТЕ

Со своим будущим мужем — Дмитрием Ивановичем Колпаковым - я встретила на фронте. Он родился в Новоанненском районе Сталинградской области в 1920 году. Перед войной окончил школу. Был призван в армию. Срочную службу проходил на Дальнем Востоке. Добровольцем пошел на передовую. В 1943 году в звании лейтенанта был зачислен в нашу сибирскую 237-ю дивизию накануне решающей, переломной в ходе войны боевой операции – форсирование Днепра.

Воевал Дмитрий Иванович в минометной роте, командовал которой капитан Виктор Иванович Гастеев. За проявленные в боях отвагу и героизм В.И. Гастеев был удостоен ордена Александра Невского. Д.И. Колпакову за участие в форсировании Днепра было присвоено звание старшего лейтенанта, он был удостоен ордена Красной Звезды. Имел и другие высокие награды – орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За освобождение Праги».

...Вместе с Дмитрием Ивановичем мы участвовали в боях за Днепр. Фронтальная любовь – как короткая передышка между жестокими кровопролитными боями, сильная и незабываемая. В 1944 году я воевала в Карпатах. Дмитрий Иванович был ранен – осколок снаряда величиной в ладонь поразил седалищный нерв. Я его спасла, укрыла в траншее, а то бы ему не выжить. Он долго лечился в санроте, не покидая передовой.

После войны мы с Дмитрием Ивановичем поженились. В 1945 году я уехала домой в Сталинск, а Дмитрий Иванович остался в части за командира роты. Войска нужно было передислоцировать из Чехословакии в Россию, на Северный Кавказ. Вскоре я приехала к своему мужу в расположение воинской части в грузинский город Очамчире. А через какое-то время мы вместе уехали на мою родину - в Сталинск (Новокузнецк) Кемеровской области. Как коммунисты, встали в горкоме КПСС на партийный учет. На работу нас направили в трудовые резервы. Страна лежала в руинах. Надо было восстанавливать разрушенное народ-

ное хозяйство, готовить рабочие кадры. Я работала в школе фабрично-заводского ученичества № 43, Дмитрия Ивановича назначили заместителем начальника по политической части Сталинского (Новокузнецкого) строительного училища № 2. Он прошел переподготовку в Кемерове, ездил по стране, вербовал рабочих на комсомольские стройки Кемеровской области.

В 1950 году у нас родилась дочь Тамара Дмитриевна Колпакова, а пять лет спустя Дмитрий Иванович умер от инфаркта. С 2002 года я живу с внучкой Оксаной Юрьевной, которая помогает и ухаживает за мной.

В моем архиве хранятся письма, телеграммы, поздравления с праздниками, днями рождения дочери, со святым для нас Днем Победы, которые присылал муж из разных уголков страны. Это документальные свидетельства нашей жизни. Вот некоторые из этих писем.

«...Здравствуйте, многоуважаемые родители! С пламенным сердечным приветом Дима и Роза. Есть возможность оставить ряды армии. Хочется отдохнуть, пока тихо на международной арене. А как будут кликать, когда будем нужны, тогда пойдем». (Город Очамчире. 29 мая 1946 года).

«...Розочка, здравствуй! Прибыл в Кемерово. В областных трудовых резервах отметил командировку, комендант в общежитии дал койку, постельное белье. Занятия - по 6 часов в день. Положение казарменное, в общежитии комната на 24 человека. Книг и учебников много. Изучаем историю СССР, политику, педагогику, психологию, литературу, методику работы в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского ученичества. Нового для меня ничего нет. Подъем - в 7 часов, завтрак, рабочий день, обед, ужин, личное время и отбой в 23 часа - такой режим дня. Крепко целую и жду весточек». (Город Кемерово. 1947 год).

«...Как я соскучился, не могу передать. Жизнь моя малина, как мы говорили осенью 1944 года. Вспомни наступление на Днепре. Дождь, грязь непролазная... Верю, что и сейчас справимся с трудностями». (Сталинградская область, Новоанненский район. Почтамт, до востребования. 1948 год).

«...Роза, здравствуй! Здоровье неважное. Дали врачебное заключение: крестцово-поясничный радикулит. Надо работать не там, где большая нервно-психическая нагрузка. Ухожу из системы трудовых резервов, приказ уже подписан. Сейчас меня отозвали на сборы офицеров на пять дней». (1948-й год).

«...Выезжаю в район: мобилизация, набор рабочих. Я поехал для агитации в Аксубаево. Обрато будем формироваться в Казани». (Казань-20. Почта, до востребования. 15 ноября 1948 года).

«...Розочка, здравствуй! Мобилизация идет, сегодня отправляем первый эшелон. Твой Димусь». (Мордовская АССР, станция Рузаевка. 13 марта 1949 года).

«...Жив, здоров и крепок. Настроение бодрое. Направляюсь в Казань, из Казани буду отбывать в Сталинск, к тебе, моя родная». (Станция Нурлат, железная дорога имени Куйбышева, Октябрьский район, Татарская АССР. 26 ноября 1948 года).

«...Никак не урегулирую вопрос трудоустройства. Мне предложили Мундыбашскую и Шушталепскую разведпартии заместителем начальника партии и политчасти. Отрекомендовали меня как трудолюбивого, исполнительного парня». (22 апреля 1952 года).

«...Не смог лично поздравить вас с 35-й годовщиной Октября. Не отпустили на работе: был ответственным от партийной организации за оформление колонны, которая шла под общим транспарантом «Промкооперация». (Сталинск. 11 ноября 1952 года).

«...Роза, Томочка, привет! Вот уже второе лето я оторван от вас. Томочка, пришли фотокарточку. Какая ты теперь? Как вы живете в поселке Мыски? Ваш папка Дима». (Город Ивантеевка Московской области, ГКСБ, отдел кадров. 29 июля 1954 года)...

СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ!

Розе Хабибулловне Нагаевой - за восемьдесят. Маленькая, хрупкая, пожилая женщина. Но какие в ней и сейчас чувствуются характер, сила духа, мужество и оптимизм! Эти качества помогли Розе выстоять в суровое военное время. Помогают и сейчас - жить и бороться.

Несколько лет назад тяжелая болезнь приковала Розу Хабибулловну к постели. Она преодолела недуг, поднялась. Как и после перенесенного в 21 год на передовой под Курс-

ком сыпного тифа, вновь училась ходить. «Держитесь, девчата, не сдавайтесь!» – подбадривала Роза своих фронтовых подруг. Сама же она никогда не сдаётся и не отступает.

Как и прежде, Роза такая же деятельная, неутомимая, равнодушная. Всю жизнь она занималась общественной работой. Не оставляет ее и сейчас. «Беспокойной души человек!» – говорят о ней ветераны.

Много лет Р.Х. Нагаева была одним из самых активных членов Совета ветеранов 237-й дивизии. Участвовала во всех встречах ветеранов в местах формирования полков и в местах боев дивизии (таких встреч было больше 20). Именно Розе Хабибулловне было доверено право вручать значки «Внук 237-й дивизии» юным следопытам из поисковых групп городов и поселков, расположенных на боевом пути этого воинского формирования.

И по сей день она держит связь, переписывается и с членами Советов ветеранов на местах боев, и с поисковыми группами, и, конечно, с однополчанами. Каждый год бывшие фронтовики поздравляют друг друга с самым главным праздником – Днем Победы.

Одна из адресатов Нагаевой – Татьяна Тимофеевна Умеренкова, бывшая санитарка 237-й дивизии. Живет она в селе Сергеевка Партизанского района Приморского края. Инвалид войны, Татьяна Тимофеевна совсем потеряла зрение. Роза Хабибулловна, как может, поддерживает боевую подругу. Татьяна Тимофеевна поздравила дорогую однополчанку с 64-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне.

Долгие годы переписывалась Р.Х. Нагаева с генерал-майором Борисом Андреевичем Бондаренко, бывшим командиром артиллерии 691-го полка 237-й дивизии. До последних своих дней Бондаренко (он умер в 2007 году) был членом московской группы Совета ветеранов дивизии. С помощью архива Министерства обороны РФ он многое сделал для установления воинской судьбы и мест захоронений бойцов-сибиряков.

Бывший редактор дивизионной газеты «Сталинский удар» Григорий Самойлович Кац живет в Твери. 1 мая 2009 года ему исполнилось 96 лет. О 237-й дивизии Кац написал и издал две книги. В книге «Далекое-близкое» есть глава «Роза из 6-й роты» – это рассказ о Розе Хабибулловне Нагаевой. Незабываема фронтовая дружба. Григорий Самойлович с большой радостью отвечал на каждое письмо Розы.

О друзьях-однополчанах, о том, как они воевали, о местах захоронений погибших товарищей Роза Хабибулловна рассказывает в письмах родственникам солдат. Ей отвечают внуки и правнуки однополчан. Политрука, а впоследствии командира 6-й стрелковой роты 835-го стрелкового полка 237-й дивизии Федора Аристарховича Русских, тяжело раненного в 1942 году у села Озерки под Воронежем, вынесла с поля боя санинструктор Роза Нагаева. Внучка Ф.А. Русских Наталья Автайкина (Русских) живет в поселке с красивым названием Зеленый Луг Красноярского края.

«Здравствуйте, уважаемая Роза Хабибулловна! – пишет она. – Мне 27 лет. У меня есть муж Сергей, сын Мишутка, которому четыре года. Муж - следователь в прокуратуре, я - фельдшер в детской поликлинике. Как можем, помогаем бабушке, которая после смерти Федора Аристарховича много болеет. С помощью интернета хочу найти родственников моего деда Федора Аристарховича. В интернете есть группа «Русских», в ней зарегистрированы 1600 человек с такой фамилией. Русских – наша родовая фамилия, и я присоединилась к этой группе...»

Наталья хочет узнать, где похоронен ее дед. Розе Хабибулловне она прислала семейные фотографии, на которых есть правнук Федора Аристарховича. Прадеду его никогда не увидеть. Но политрук Русских, как и его боевые товарищи, хорошо знал, что они шли на смертный, святой и правый бой «не ради славы – ради жизни на земле». Пусть его правнук счастливо живет под мирным небом.

...Р.Х. Нагаева считает, что в жизни ей везло на хороших людей. Потому и везло, что сама она хороший человек! Сколько на ее долю выпало горестей, не счесть. После войны по партийной путевке Роза Хабибулловна работала на комсомольских стройках, восстанавливала народное хозяйство. В Новокузнецк вернулась почти совсем потерявшей зрение (сказались фронтовые лишения). В течение трех лет ее выхаживала, во всем помогала, возила на операции сестра – Елена Николаевна Фролова (Нагаева).

Житейские невзгоды, трудности, страдания не сломили фронтовичку Розу. Она по-настоящему счастливый человек. Не кривит душой, живет по совести и долгу, честно и добросовестно выполняя то, к чему призвала Родина. В первую очередь думает не о себе, а о других. Трудилась всегда — не покладая рук, дружила – верно и до конца. Она и сейчас

готова действовать, помогать другим, быть полезной. «Сражается за правду о войне», - говорят товарищи о Розе Хабибулловне.

Чтобы эту правду сохранить, донести до будущих поколений, и написала Р.Х. Нагаева свои воспоминания. В Победе в Великой Отечественной войне есть фронтовой труд и ее, боевого санинструктора Розы, и сотен тысяч таких же, как она, солдат Победы. Ни одна страница военной летописи не должна быть забыта! Война – это судьба целого поколения, это история нашего Отечества. «Мы живы! – говорит своими воспоминаниями Р.Х. Нагаева. – И помним каждого, кто воевал, и каждого, кто не дошел до Победы. Пусть о них знают те, кто будет жить после нас».

Собирая драгоценные крупницы воспоминаний, изучая пожелтевшие от времени листки военных документов - свидетельства того, что было, мы обязаны сказать всю правду о войне. Это можно сделать только общими усилиями, общей работой по сохранению памяти о славном и героическом периоде нашей истории. Только так мы отдадим неоплатный долг благодарности и признательности участникам и вершителям подвига – солдатам и героям Великой Отечественной.

РОЗА ИЗ 6-Й РОТЫ

Как самую дорогую реликвию храню я по сей день подшивку своей «дивизионки» «Сталинский удар», редактором которой мне пришлось быть в годы войны. И вот листаю - в который раз - более полувековой давности пожелтевшие номера газет, относящиеся к знаменательным событиям 1943 года - освобождению столицы Украины – города Киева. Нахожу десятки хорошо знакомых имен: бойцов, офицеров, самоотверженно сражавшихся на Днепре.

В номере от 22 октября 1943 года на первой полосе мне повстречалось имя Розы Нагаевой, и тут же перед глазами встала эта девушка – санинструктор 6-й роты 2-го батальона 835-го полка.

И потянулась цепь воспоминаний, связанных с этой давней публикацией, помещенной под рубрикой «Герои боев за Украину». Приведу несколько строк из этой небольшой информации.

«Роза Нагаева - эта бесстрашная девушка вместе с первыми бойцами достигла Правобережья. Она участвовала в самых жарких сражениях, оказывая первую помощь раненым.

Противник с воздуха и с земли усиленно обстреливал переправу. Роза Нагаева под огнем бесстрашно подносила раненых к берегу, усаживала их в лодку. Осколком мины ее ранило в грудь. Однако храбрая, мужественная девушка не покинула раненых бойцов. Она продолжала самоотверженно переправлять их на левый берег».

На эту маленькую хрупкую девчонку, на первый взгляд совсем неприметную, командиры вначале не возлагали особых надежд. Ну в самом деле, шутка ли, оказаться в боевых порядках наступающих бойцов, когда со всех сторон летят вражеские пули, над головой визжат осколки мин и снарядов. Тут и любой добрый молодец, успевший узнать, почем фунт лиха, и тот растеряется, а что с этой пигалицы взять...

...Солдат даже в самом жестоком бою, когда нужно, может нырнуть в окопчик или спрятаться за бугорок, а санинструктор, едва услышит «Сестричка, помоги!» - уже мчится очертя голову, где перебежками, где ползком, на помощь раненому.

...Донецкая степь ровная, гладкая: ни ложбинки, ни лесочка. Во всяком случае, такой она была там, где наступал стрелковый батальон, в котором вместе с бойцами 6-й роты шла Роза Нагаева с санитарной сумкой за спиной.

Гитлеровцы остервенело вели артиллерийский и минометный огонь. Буквально над головами ревели немецкие стервятники, бомбя и обстреливая нашу пехоту из пулеметов. На многие километры степь заволкло едким дымом, земля вздрагивала от разрывов бомб и снарядов. А жара стояла невыносимая. Июль в самом разгаре. И вот беда, в батальоне остались две санитарки: Роза Нагаева и Нина Маркова. Девушки едва успевали подползать к раненым. Перевязывали окровавленного бойца, говорили ему какие-то успокаивающие, душевные слова и быстро ползли к следующему...

А одним из следующих оказался родной отец Нины Марковой. Они были в одном батальоне. На своих хрупких плечах дочь вытащила отца-пулеметчика из пекла боя. Ранение было

смертельное. Отец умер на ее руках. Этими же руками на той же донской земле Нина Маркова похоронила самого родного, близкого ей человека.

Заглушаемое грохотом боя, до Нагаевой долетело: «Сестричка, где ты?» Это был даже не крик, а мольба о помощи, и она услышала ее. И поползла на этот жалобный стон. Подобралась, а потом, лежа на боку рядом с бойцом, стала торопливо открывать санитарную сумку - тут и шарахнуло!.. Снаряд разорвался совсем рядом...

Вот как об этом рассказывала потом сама Роза:

«Земля подо мной поднялась на дыбы, а потом все рухнуло в пропасть. И я туда же. Есть я или нет?.. Когда немного пришла в себя и поняла, что жива, увидела, что моему раненому узбеку моя помощь уже не нужна. Второе ранение у него оказалось смертельным: осколок попал прямо в голову. Мне тоже досталось от того снаряда: кусок раскаленного металла врезался в ногу. Лежу, а кровь из ноги бьет, как из крана. Обмотки - хоть выжимай. Вытащила ножницы, разрешила штанину, наложила жгут. Кое-как кровь удалось остановить. Немного полежала, пришла в себя и тут слышу опять чей-то голос: «Сестричка, выручай!» Пытаюсь сдвинуться с места - не тут-то было!». Ребята видят, что у меня дела плохи - сами, кто мог, ко мне ползут. Так, полулежа, скрипя от боли зубами, перебинтовываю раненых. Одного, второго, третьего..

К концу дня наши подразделения продвинулись вперед. Стала соображать, как вывезти с поля боя раненых ребят. Оглядываюсь по сторонам, ищу какую-нибудь повозку, а сама ни с места: раненая нога отяжелела, словно каменная стала. И тут слышу, кто-то из легко раненых кричит: «Сестричка, вон смотри, повозка из-под снарядов. Целехонькая!» Ездовой помог мне подняться на повозку, которая тут же заполнилась ранеными. Так я в первый раз попала в госпиталь. Обидно было, что в первом же бою «зацепило».

Война для санинструктора — это всегда передний край. Боевые порядки, поле боя — его рабочее место. Тяжелый, изнурительный и очень опасный труд. Как выдерживала она, эта щупленькая девчонка — о таких говорят: в чем душа держится! — где брала она силы, чтобы вынести этот крошечный ад, да еще и другим помочь выкарабкаться из него — одному богу известно. Сама она признавалась: «Едва услышу стон раненого или кто-то зовет на помощь — все страхи пропадают. Над головой пули свистят, снаряды рвутся слева и справа, а мне уже все нипочем: спешу на этот крик...»

...Продвигаясь с боями к Днепру, наша 237-я стрелковая дивизия, в которой воевала Роза Нагаева, освободила город Пирятин, за что и получила наименование «Пирятинской». А для Нагаевой это «освобождение» едва не стоило жизни. Казалось, не такой уж и сильный был тот бой. Не выдержав напора наших войск, фашисты откатывались на запад, хотя и пытались держаться до последней возможности. И вот под самым Пирятином, при форсировании реки, когда Роза подбиралась к раненому бойцу, неподалеку прогремел взрыв. Осколок то ли мины, то ли снаряда угодил прямо в грудь, чуть-чуть выше сердца. Это «чуть-чуть» и спасло нашу сестричку...

А в свою родную роту, в сибирскую стрелковую дивизию, она, в очередной раз отлежав в госпитале, подросла вовремя — к началу днепровской переправы.

...Прошли десятилетия, как закончилась страшная война. Многие из тех, с кем сводила меня фронтовая судьба, остались у незнакомого поселка, на безымянной высоте, на огневом рубеже или у переправы... Время от времени мы, «счастливчики», оставшиеся в живых, приезжаем сюда, на места былых сражений, вспоминаем своих боевых друзей, печалимся, когда узнаем о новых потерях. И всякий раз, бывая на встречах, я пытаюсь хоть что-то разузнать о нашей любимой санитарочке — Розе Нагаевой: жива ли она, а если жива, то как сложилась ее судьба? Сама же она не появлялась на этих встречах. И вот однажды...

В тот день, накануне очередной встречи, нас, группу ветеранов, пригласили в народный музей (Сибирской 237-й дивизии), недавно открытый в новом, специально построенном помещении на правом берегу Днепра. Не могу не назвать имя создателя этого хранилища человеческой памяти, замечательного человека, офицера в отставке, бывшего фронтовика Василия Ивановича Калиновского. Это он приготовил нам такой сюрприз: в залах музея многие из нас, к своему удивлению и радости, вдруг увидели... самих себя — на фотографиях, размещившихся на специально оформленных стендах. В тот день мы словно встретились со своей военной молодостью. Мы глядели на эти полузабытые юные лица, узнавали и не узнавали самих себя и своих фронтовых друзей, и диву давались: неужели это мы, такие молодые, симпатичные, и уже с орденами, с медалями на груди!..

Сколько сил, сколько энергии было в каждом из нас, если смогли устоять против такого врага! И не просто устоять, но и победить его. Снова и снова вглядываюсь в эти лица, словно ищу ответ на этот вопрос, хотя уже знаю, что они мне ответят. Знаю, что скажет мне комбат Алексей Казаченко, что ответит связист Евгений Телешев, на груди каждого из которых сверкает звезда Героя Советского Союза, и генерал Григорий Тоболов. Тоболов к нам в дивизию пришел молоденьким пушкарем и сразу возглавил артбатарею, а добивал противника в его логове уже в звании генерал-майора... «Надо сильно, по-сыновьи любить свою Родину и ненавидеть врага, а еще верить в свою победу — и она непременно придет!» — так или примерно так, наверное, ответил бы каждый из них. К ним, уверен, присоединились бы и врач-хирург Олимпиада Костенко, и медсестра Полина Лебедева, и военфельдшер Ефим Рапопорт, и многие другие, знакомые и незнакомые мне ветераны второй мировой...

Медленно, не спеша идем мы от одного стенда к другому, рассматриваем экспонаты: пробитые осколками каски, трофейное оружие и наши прославленные «трехлинейки», с которыми мы начинали войну и добывали нашу Победу... И вдруг читаю: «Плащ-палатка санитар-структора Розы Нагаевой». Боже мой, неужели!.. Гляжу на фотографию тех лет, представленную на этом же стенде: да, это она, наша сестричка Роза Нагаева... Стоим, переговариваемся..

— Ну конечно, это наша Роза, — слышу я чей-то голос за спиной, — это она вытаскивала меня, раненого, из окопчика. Ну как мне ее не узнать!

Оглядываюсь: Вася Ерошенко, бывший пулеметчик. Тут же, у стенда, у плащ-палатки, ставшей музейным экспонатом, начались воспоминания. С него, с этого «экспоната», считай, все и началось. Ну, в самом деле, вроде бы ничего особенного — солдатская плащ-палатка, ничем не приметное снаряжение, любому бойцу положенное. А если подумать, если вспомнить, чем была она для нашей санитарки — в пору голову склонить перед этой музейной реликвией. Ведь она, наша санитарочка, на этой плащ-палатке нашего брата-раненого с поля боя выносила! Укладывала на нее и тянула за собой по земле: под пулями, под огнем, по кочкам, от воронки к воронке, от окопа к окопу... Потом погружала в лодку или на повозку, и снова — под шквальным огнем, по ледяной днепровской воде, пенящейся от взрывов мин и снарядов.

Был бы я поэт — балладу сочинил бы про солдатскую плащ-палатку. Ведь она не только раненым помогала — в качестве «транспортного средства», но и ее, нашу сестричку, выручала не раз: и в непогоду укрывала, и подстилкой служила в минуты коротких передышек...

И все-таки главный сюрприз ждал нас впереди. За воспоминаниями, за разговорами мы не сразу заметили ее, эту невысокую симпатичную женщину, скромно стоящую в сторонке и с неменьшим интересом, чем все остальные, прислушивающуюся к нашему разговору. Не знаю, кто первый обратил на нее внимание, кто узнал ее... Я оглянулся, когда услышал:

— Роза! Нагаева! Вот это да! Ну, здравствуй, дорогая наша спасительница!

Да, это была она, наша Роза. Жива-здоровая, стоит, улыбается... и разглядывает вывешенные на стендах фотографии, словно в прошлое свое вглядывается — в те далекие дни, когда она выносила раненых бойцов с поля боя...

Война не раз испытывала на прочность нашу сестричку-невеличку. Трижды не она, а ее, окровавленную, боевые товарищи из-под огня выносили, и всякий раз, залечив свои раны, она возвращалась в свой батальон, в родную шестую роту. Вместе с ними освобождала Киев, воевала в Карпатах, где снова получила тяжелое ранение. Ее подобрали, контуженую, с переломом ключицы.

Но не об этом хотелось вспоминать ей в день нашей встречи. Самыми памятными для Розы Нагаевой были и остались «днепровские» бои. И не только своими трагическими эпизодами, не только собственными ранениями и потерями близких людей — ребят-однопольчан... Здесь, у днепровской переправы, пришла к ней первая и настоящая любовь: с войны Роза Нагаева вернулась не одна, а с мужем, однопольчанином-минометчиком. И с плащ-палаткой, которую берегла все эти годы, пока не передала в народный музей, где и состоялась наша памятная встреча.



Это они оказывали помощь раненым на поле боя.

Слева направо: Нина Маркова, Роза Нагаева (Колпакова), Клавдия Малых, Таисия Глушаненко. Фото 1946 г.



Слева направо: Нина Маркова (Остапенко), Клавдия Малых (Ушакова), Роза Нагаева (Колпакова), Таисия Танкова (Глушаненко).

Фото 1979 года. Встреча ветеранов 237-й стрелковой дивизии в г.Мукачево.

Из книги «Далекое - близкое» Г.Каца, редактора газеты «Сталинский удар» 237-й стрелковой дивизии. Тверское областное книжно-журнальное издательство. 1999 г.

Книгу «Далекое - близкое» Григорий Кац подарил народному музею «Память» 12-й средней школы г.Новокузнецка.

«Мои самые добрые пожелания вам, ребята. Будьте достойны тех, кто, не жалея жизни, защищал свою Родину. С уважением автор Григорий Кац.

Февраль, 2000 год. г.Тверь».



70 лет Великой Победе

*Солдаты мы.
И это наша слава,
Погибших и вернувшихся назад.
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат.*

Н. Старшинов

Солдаты Победы

Памятная летопись Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
Воспоминания ветеранов 237-й стрелковой дивизии
I и II формирований

МБУ "МИЭС"
г. Новокузнецк
№ 1374842, *окр*
Новокузнецк
2015 год